Я видел, как чуунин сжимает и раздувает свою чакру, как тщательно и вовремя сжимает каждую руку, как трансформация проходит гораздо более плавно, чем моя собственная, и это сразу же подсказало мне, как я могу улучшить свою собственную технику. Не то чтобы я уже не мог делать это не так, как раньше, а точнее, более по-дилетантски.

Но делать это было глупо.

Трудно было объяснить, насколько глубже стало мое понимание дзюцу от одного только взгляда на него этими глазами. Как разница между тем, когда мне вручают незнакомый инструмент и я неуклюже пробую его, и тем, когда мне сначала показывают, как им пользоваться. Ощущение, будто я тащу тачку вручную, а не толкаю ее на колесах. Например, осознание того, что я могу очистить банан от кожуры, а не съесть его целиком, или использование рук для открытия бутылки с газировкой, когда до этого я все время держался за крышку ртом и зубами.

Очевидные, но убедительные осознания, которые заставляли меня чувствовать себя очень глупо из-за того, что я не понял этого сразу. Это было все равно что получить глаза, когда до этого я был слеп.

Шаринган и впрямь был дерьмом.

Но, как и ожидалось, это понимание не распространилось ни на одно из других известных мне дзюцу, несмотря на предполагаемое пересечение между ними, которое, как я полагал, должно было дать более медленное, более общее понимание, полученное в результате законных тренировок. Поэтому я стал практиковать дзюцу Клона как можно чаще, чтобы проанализировать его и понять, смогу ли я применить его улучшения к двум другим техникам без необходимости копировать их тоже.

Это очень напоминало мне Катори Синто Рю, одну из старейших сохранившихся японских школ меча, и то, как там обучали студентов. Я ни в коем случае не был экспертом и даже не был знаком с этим стилем и его историей более чем поверхностно, но в прошлом я сталкивался с этой школой и ее практикой.

Во время тренировок было очень мало инструктажа как такового, скорее будущие ученики должны были сидеть в сторонке и наблюдать за старшими учениками, которые выполняли различные ката в парах. Затем, когда они чувствовали себя уверенно, они могли попробовать свои силы в их выполнении и, возможно, получить некоторые поправки от своих старших и учителей. Небольшие поправки, исправляющие самые незначительные недоразумения, не более того. Потому что в конечном итоге смысл заключался в том, чтобы ученики развивались "духовно" до тех пор, пока они не смогут буквально украсть движения своих старших и использовать их должным образом самостоятельно.

Насколько я помню, это их собственные слова.

То, что ученики не знали, почему те или иные вещи делаются в определенных ситуациях, было

очень намеренным, так как только после того, как кого-то признавали, учителя отводили их в сторону, чтобы объяснить им некоторые вещи. Одно маленькое изменение здесь, одна вещь, на которой нужно сосредоточиться здесь, "это то, к чему ты стремишься" или "ты хочешь, чтобы он думал, что ты делаешь это, когда на самом деле ты делаешь вот это", и внезапно вся ката превращалась в нечто совершенно иное.

То же самое происходило и в других старых боевых искусствах, в результате чего многие приемы теряли контекст с течением времени и сменой поколений. Карате, в частности, потеряло большую часть своей глубины из-за отсутствия истинного намерения калечить и убивать. Я мог оценить метод развития независимого понимания боевых искусств, шухари и все такое прочее, но это все равно был крайне неэффективный и расточительный метод передачи навыков и учений в контексте только этого искусства.

Западные традиции, особенно последовавшие за эпохой Просвещения и Ренессанса, были мне гораздо больше по душе, где акцент на "почему" был гораздо более отчетливым. Одно дело, когда тебя учат всегда наносить удары определенным образом, и совсем другое - когда ты знаешь, что рука быстрее остального тела, потому что она легче и, следовательно, подвержена меньшей инерции, и поэтому ты должен наносить удары определенным образом, если хочешь избежать ударов в свою очередь за счет своей скорости.

Тем не менее, это была японская обстановка, так что я мог оценить эффективность своих проницательных глаз и их способность красть техники.

Учиха Стронгест, номер один!

И это объясняло, как быстро улучшилось мое метание: я почти все время держал глаза активированными во время тренировки сюрикенов, чтобы улучшить ясность и точность. К этому времени я, должно быть, скопировал навыки по меньшей мере сотни разных людей, все с разным уровнем мастерства, что дало мне довольно интуитивное понимание того, как метать сюрикены и кунаи, несмотря на то, что я не проявлял никакого интереса к теории метательного оружия и мало тренировался вне занятий в Академии.

Изначальный Сасукэ был довольно искусен в обращении с этими предметами, часто используя такие вещи, как фуума-сюрикен и проволока ниндзя, не так ли? Интересно, насколько сильно его умение было приобретено подобным образом? Я подозревал, что он приобрел их честным путем и, таким образом, получил более глубокие навыки работы с ними.

Лично я не видел в этом смысла.

Сюрикены и кунаи были обычными инструментами ниндзя, заполняя пробел между дальним ниндзюцу и тайдзюцу, но это не означало, что я видел большой смысл в их использовании, когда вокруг были явно лучшие альтернативы.

На дальних дистанциях метательное оружие было неэффективным и неточным - не зря другие цивилизации дома перешли на использование луков и других инструментов для метания

снарядов, а не полагались только на силу рук, - а как оружие ближнего боя оно было просто слишком грубым. Для потрошения они вполне годились, но если мне приходилось иметь дело с другим оружием, то хотелось чего-то более длинного и прочного. Что-то с гардой и лучшим балансом. И без профиля кромки, как у проклятого долота.

Разве Сасукэ тоже не пользовался мечом?

Не мешало бы начать осваивать его пораньше. Я никогда не был большим поклонником кендо или кендзюцу, но знал основные десять ката для тачи и кодачи, так что этого должно быть достаточно, чтобы начать. Конечно, без напарника это было бы несколько затруднительно, но я справлюсь. Нужно срочно достать "Теневых клонов". Они слишком хороши, чтобы от них отказываться. И раз уж я об этом заговорил, может, стоит подумать о запечатывании и другом оружии для тренировок?

Если проницательность Шарингана позволила мне пропустить большую часть тяжелой работы и стать, по крайней мере, компетентным в различных областях, то все, что мне оставалось, - это сосредоточиться на улучшении физической формы и овладеть тем, что мне нравилось. Но поскольку мое тело все еще оставалось телом растущего ребенка, что-либо более сложное, чем то, чему меня уже подвергала Академия, было нежелательно.

Чакра, конечно, меняла ситуацию, но все же разумнее было следовать тому, что я знал о биологии раньше. Тренировочные монтировки в жанре сёнэн - это, конечно, круто, но если бы я мог делать что-то разумно, а не жестко и с высокими ставками, я бы предпочел это сделать.

Самое главное для меня было заложить прочный фундамент и освоить основы.

Быть джоунином в 10 лет - это, конечно, хорошо, но я бы предпочел дожить до 20 или даже 30 лет. Или, говоря по-другому, что я предпочту: стать джоунином в 10 лет или продолжать расти и стать легендой в 20? Я знал, что у Сасукэ есть потенциал для этого, ведь он изначально был соперником Наруто, так что не было причин полагать, что я не смогу достичь этого, если задамся целью.

По мере того как заканчивался первый год обучения в Академии Конохи, мой план того, как я должен тренироваться, начинал обретать форму, хотя общие планы оставались довольно зыбкими. Мне казалось, что нет смысла стремиться к чему-то конкретному, например, подружиться с людьми или выяснить, как и почему я здесь оказался, поэтому я более или менее сходился на том, что помнил о желании Сасукэ - восстановить клан Учиха и убить Итачи.

Звучало достаточно просто.

http://tl.rulate.ru/book/104194/3653824